

84(2Рос. Рун.) 6-5
Е 96

Георгий
ЕШИМОВ

**ТРИУМФАЛЬНЫЕ
АРКИ**

84(2Рос = Рус) 6-5
Е 96

ГЕОРГИЙ ЕШИМОВ

**ТРИУМФАЛЬНЫЕ
АРКИ**

9000085207

Москва
2002

Б/И
Г. МУК ЦБС
Г. СУРГУТ ЦД
✓ Б/И
2
35-00

ББК Р47 (Рос.-Рус.)

УДК 882

Е-05

Георгий Ешимов. *Триумфальные арки. Новые стихи.*
М., «Московский Парнас», 2002, 64 с.

В своей новой книге Георгий Ешимов широко и свободно перемещается во времени и пространстве: от Юдифи и Олоферна к прибалтийским снайпершам, что, как ландскнехты и волонтеры, служили чеченским боевикам, от воевод времен Ивана Грозного, что, опасаясь расправы за лихоимство и казнокрадство, бежали в иноземную службу, до времен, когда легендарный крейсер «Варяг» продается на металлолом...

Палитра поэта разнообразна и вольна — от плача и молитвы до сонета и куртуазной шутки.

Надеемся, что новая встреча читателя со стихами Георгия Ешимова будет желанной.

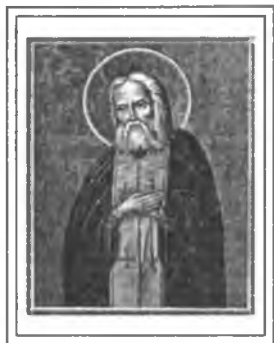
Агентство «Московский Парнас»

ISBN 5-7300-052-08

© Георгий Ешимов. Стихи

© «Московский Парнас».

Оформление

*Из цикла:
ПЛАЧ В
ХРАМЕ*

ПОДГОТОВКА К ТВОРЧЕСТВУ

Морских атрибутов находки
Земные печали сотрут:
Канат с утонувшей канлодки*,
Да красный спасательный круг
На дачном фасаде развешу,
Задышит в лицо океан.
Листвой зашумевшею, леший,
Вздымай впереди ураган!
Гардины к стене принайтовил**
И белую робу надел,
Я все для того приготовил,
Чтоб клипер в пути уцелел.
...Возьму капитанскую трубку
И рому налью полковша,
И рындой означив побудку,
Стихами займусь не спеша.

* канлодка — канонерская лодка — военный корабль.

** принайтовить — (морской жаргон) прикрепить.

ПАВЛОДАРСКАЯ МЕЧЕТЬ

Сонет

Шемаханской царицы высокий шатер
Безнадежное небо собою подпер,
И поспорила цветом его бирюза
С небесами, где звезды — любимой глаза.

А над куполом тоненький серпик навис:
То ли вера наверх, то ли месяц на низ.
Минареты, как четверо братьев, стоят,
И не страшен высоким любой звездопад.

Это власти восточной полночный удар
И звено — удержать навсегда Павлодар
От стремленья на север привязкой на юг, —
Там кончается холод карающих вьюг.

Но обходит мечеть запоздалый дервиш,
И на Запад сбежала церковная мышь.

ПЛАЧ В ХРАМЕ

«...Ну, куда от мужчин было деться,
Коли вишнею ранней цвела?!
Я троих нерожденных младенцев
И надежду в себе извела.

Но счастливая — светлого князя
Повстречала — высок был порог —
Средь мужского единообразья
Протрубил его свадебный рог.

И сыночка ему я, и дочку
Подарила — красивых детей.
В благодарность свечу на всенощной
Богородице ставлю своей
Абалацкой ...Сибирскому люду
Нет заступницы ближе, родней...
А Исусу — двойную! За чудо
И вины во признание своей.

А иначе бы стала, как ветка
У смоковницы — драной, сухой,
Мне б плевала в лицо малолетка
На изгибе судьбины лихой.

Я бы сникла подстилкою грязной...
Ты прости меня, Боже, прости,
За искания истины праздной
В том беспутном начале пути,

За убийства младенцев невинных,
За гордыню и жажду любви, —
Пред Тобой гну колени и спину,
И целую иконы Твои!...»

ЖЕРТВЫ

Не убивай меня,
Мамочка-мама! —
Клетка питтит
Протоплазмой упрямо:
Младшие будут
Ущербны здоровьем —
Им не поправиться
Маслом коровьим!

Не убивай меня,
Мамочка-мама!
Плод пятимесячный
Знает Хайяма,
Помнит Гомера
И всякие страсти...
Не разрывай меня,
Мать, на запчасти...

Генная память
Сильна и упряма:
Если убийца —
Несчастливая мама,
То непременно
За это в ответе
Все её позже
Рожденные дети...

Матери Марии

Сказкой рождественской ночь ворожила,
Месяц блестел, будто шлем...
Боже, когда это происходило? —
Дух освятил Вифлеем.

Ирода стража искала младенца,
Мчалась на черных конях,
Крестиком вышитое полотенце
Скрыло семью от огня.

Дома родного забыта картина,
Горны чужие поют,
Помнишь, Мария? Спасала чужбина
Кров и домашний уют...

Матерь Мария, неужто обитель
Плача опять Вифлеем?
В каждом из нас да проснется Спаситель,
Мир предрезать на Земле!

2001г.

Из цикла «ПАМЯТЬ»

РУССКИЕ СФИНКСЫ

Над полем моим Бородинским
Победы со стел просияли,
Где пращуры насмерть стояли,
Трехгранным мерцая единством.

Славянские грозные лица,
Язычества древнего веды —
Предтечи грядущей Победы —
Спиною закрыта столица.

Загадочны русские сфинксы,
И нету пути Корсиканцу, —
Обратно домой не добратся,
Победы никак не добиться.

И давится враг, и томится
Загадками русского сфинкса.

ОСТОРОЖНОСТЬ

Воеводою грозным был Глинский — боярин Михайло,
И татар он, и ляхов, ливонцев и шведов бивал,
И богатство свое приумножить, как часто бывало,
Он, как истинный воин, конечно же, не забывал.

Но обидного слова терпеть не умея, однажды
Переметчиком стать он задумал к Литве от Руси,
Да слугу с ярлыком порубежная русская стража
Переяла почти в завершенье кривого пути.

Воеводе и кнут, и жестокие выпали пытки,
И висение с грузом на дыбе, «испанский сапог»...
И заслуги бывшие пред Русью Великой забыты,
За оплошный проступок — жестокий итог.

При князьях было так, при царях и советских тиранах:
Кто повыше других — уравнивать, да и голову с плеч...
Вот и о демократии нам разговаривать рано,
Нам бы головы да для доброго дела сберечь.

И от пыток бегут воеводы-профессионалы,
Пробавляясь чужбиной, как нищие грязной сумой...
Видно, опыта прежнего нашим правителям мало,
А стране без детей своих крепких так трудно самой...

ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ

Царь на фронте да с иконой
Приснодевы — золочёной,
«Солдатушки-ребятушки» —
нам во здравье говорил.
Мушкетёры-гренадёры
Красноморды и матёры,
Батюшке-царю молились
сколько было сил.

Конно царь, в руках — икона,
Мы — коленопреклонённые,
Шапки — сняты, сабли сбоку,
будто дети пред отцом.
Свита царская на конях,
Лик суровый на иконе,
Да оклад её сияет
золотым венцом.

Едет царь, а сердце бьётся,
Душа грешная трясётся,
Мы за батюшку готовы
сгинуть, за царя!
Все свои приложим силы,
Поведи нас в бой, Брусилов!
Царь на фронте, да с иконой!
Видно, то не зря!

РАССТРЕЛЯННАЯ РОССИЯ

Не тиран, не злодей, выставляли таким в оправданье
Своей гнусной жестокости в доме Ипатьева те,
Кого трудно назвать человеческим даже созданием,
Антирусские звери в злодейской своей пустоте.

Растерзали страну и семью самодержца убили,
Не щадя ни детей, ни прислуги, ни даже врача...
Их останки сожгли, негашеной известкой залили,
А потом заявили, что сделали то сгоряча...

Я ночами не сплю. Меня мучают боль и кошмары,
И царевен тоска и царевича ужас в глазах,
А напротив стоят большевистские те комиссары,
И наганы дымят в полусогнутых черных руках.

Алексея к себе прижимаю, рукой закрывая,
Хотя знаю уже, что династии вышел конец,
И царица упала со стула, к пощаде взывая,
А вокруг головы окровавленным нимбом — венец...

Будет смута потом, как об этом поведали старцы,
Но Россия воспрянет, как Феникс, из пепла взоидя.
Ведь не зря для отечества царь настрадался,
Не жалея себя и потомства за то не щадя.

Соберется собор,
Как задолго назад, монастырский,
Иерархи отмолят грехи этой власти мирской,
И другая семья в отыскании праведных истин
Снова сядет на трон в осужденье оравы людской.

Но великой страны, что от моря легла и до моря,
Не достанется ей, той династии новых царей,
А князья, отделившись, и то, что имеют, проспорят,
И застрелят их те, кто себя посчитает правей.

2000г.

МОИ ЦАРЕВНЫ

Царевен прекрасных моих при дворе воспитали,
И царь Николай был примерный и нежный отец.
Четыре царевны — четыре сестры госпитальных,
Четверка открытых навстречу отчизне сердец.

Пускай русской крови текло в тонких жилах немного,
Но все же девчонки любили Россию сильней,
Чем те, что стреляли в царевен моих от порога, —
Бандиты, служившие общему злу — Сатане.

Четыре царевны с иконы святой просияли
Судьбою России в дни смуты, в те злые года,
Четыре души моей музе отваги придали,
Во мне поселилась их боль и печаль навсегда.

Стучатся во мне пять сердец: тех девчат и России,
Их пыл не унять, потому беспокойно так сплю, —
Татьяну и Ольгу, Марию и Анастасию, —
Царевен несчастной страны, как сестер, я люблю.

ТРИ «ТОВАРИЩА»

На фотографии поблекшей
Смеются весело, взгляни:
Якир, Буденный, Тухачевский.
О чем беседуют они?

О том, как «брали» белый Киев?
И на Варшаву шли под гром
Колес и неба, и лихие
Знамена вились над орлом?

Не знают: и Якир Иона,
И Михаил — архистратиг,
В Иуды выдвинет Семена
Тиран — он Библию постиг..

Ну, а пока они смеются,
Убийцы собственной страны,
В кровавой пене революций
Своей не чувствуя вины.

РУССКИЕ КОЛУМБЫ

Русские Колумбы, что вам век отмерил?:
Смуту да лишенья, да концлагеря...
Миражом далеким помаячил берег —
Приросла на север Русская земля.

Удержать ее вы в рамках человеческих
(Боже, где взять силы?) так и не смогли.
Царский строй не вечен,
Рабский строй не вечен,
Но во льды вмерзают ваши корабли.

На вельботе к Толлю безрассудно смело
Пробивался гордый лейтенант Колчак...
Губчека страдальца «разменять сумела», —
«Подлый враг народа» — адмирал, никак...

Выглядят на картах земли кренделями —
Над Охотским морем — теплые места.
Русские Колумбы — вице-королями
Вами же открытых островов не стать.

ВОЕНСПЕЦЫ

*Памяти адмирала А.М. Щастного,
спасшего корабль Балтфлота*

Нас расстреливали конвоиры
По командам чекистским: «Убрать!»
Санкюлотской гляделась сатирой
Этой власти рабочей игра.

«Не убий» — опорочено в сути,
«Чти отчизну» — не больше, чем звук,
А живым докопаться до сути
Не хватало ни воли, ни рук.

Русь качнулась большим броненосцем
Через льды и шторма в никуда,
И померкло сияние солнца,
И поникла ночная звезда.

Зря мы «демос» в атаки водили
На германцев и против «своих»,
Вот за это сполна получили
«Благодарность» в карающий миг.

Полегли под гулаговской пылью
Бугорками забытых могил...
Вместе с нами надежды России
На расцвет каждый залп хоронил...

ПОСЛЕДНЯЯ ГИБЕЛЬ «ВАРЯГА»

*«В 2001г. Украина продала в Гонконг
ракетный крейсер «Варяг»*

«Комсомольская правда»

Древние века. Одни варяги
Плавали свободно в чужд и фряги
И по рекам в греки синь-волной.
В Киеве уверенно осели.
Ведомо потомкам и доселе —
Управляли русской стороной.

С той поры защитника России —
Крейсер быстроходный и красивый
Окрестили пламенно — «Варяг».
Корабли просторы бороздили,
И на стенах гордо проносили
В дальние края российский флаг.

Двадцать первый век волной несется,
У Чемульпо снова крейсер бьется
С грозной иностранною ордой,
Тонет наш «Варяг», но не сдастся:
Знает, его гибель обернется
Новою российскою бедой.

В Желтом или в Белом, иль в Охотском,
Послужить геройски не придется, —
Узкоглаз и злобен капитан...
Слушайте: звенят уж не медали —
За гроши защитника продали,
Чтоб Иудин «залатать» карман.

АЛЬПИНИСТЫ 42-го ГОДА

Их собрали, как пальцы в кулак.
Затаился прорвавшийся враг
Среди скал — безусловно искусен,
И германский штандарт на Эльбрусе.

Был недолог о том разговор,
Чисто вытерт винтовки затвор,
Цепью ломкой ушли меж горами,
Поквитаться за все с егерями.

Проходил мой недавний маршрут,
Где «одиннадцати» был приют,
Проводник рассказал не без грусти:
Эдельвейс* не цветет на Эльбрусе!

* «Эдельвейс» — название 1-й горнострелковой дивизии вермахта.

ПОЛЕ

Там Сорочинские ярмарки,
Там и Миргород с Диканькою,
И большой войною трачены
Малорусские гаи.
Гляньте, Николай Васильевич,
Не сюда ли прибегали вы
С бурсаками полупьяными
На кулачные бои?

Помнит поле затаенное
Запорожцев, шведов, гетмана...
И английские «Ланкастеры»
Приземлялись тут не раз,
Да с детьми из семинарии,
Из Софии — эх, пресветлая!,
Проезжал дымящий трубкою
Гетман куренной — Тарас.

Разленивая протащится
Кляча, слепнями помечена,
И уткнется, глухо фыркая,
В разнотравное жнивье
Огорожено «колючкою»,
Рвом по краю изувечено,
Со скирдой соломы темною
Поле чистое мое.

БЕЛЫЕ КОЛГОТКИ

Страсть их приблизила к аду
Дней и ночей на войне —
Души продали джихаду
Девы-прибалтки в Чечне.

Снайперши.
Скольких мальчишек
Предали смерти они,
Ветер долины колышет
Край у банкноты — взгляни.

Пламень возмездия, вот он,
Следом карающ идет —
Запах горящих колготок
Дымом зачисток плывет.

1999г.

ТРИУМФАЛЬНЫЕ АРКИ

Как в ворота войны, сквозь большое игольное ушко
Проходили колонны: войска и обозы, ясак...

На фронте лепнина — знамена, медали и пушки,
А над ними фанфары — военных оркестров краса.

Здесь и я пробегал, возвращался от Нарвской заставы,
Мне фанфары звенели под капли хмельного дождя,
Все теперь уж не то, и свои выполняют уставы
Помоложе ребята, триумфом любовным гордятся.

Но она все стоит, зеленея заботой земною:
Вот колонны пройдут, и воспрянет от спячки она...
Триумфальной порой даже я, своих мыслей не скрою,
Все мечтал: оживи поскорей эта мощь чугуна!

А теперь я кричу, отвергая хулу и подарки,
Обращаюсь к святым: Помогите, сейчас и всегда!
Пусть молчат на Земле триумфальные черные арки,
Ведь военный триумф, это чья-то большая беда!

СОВРЕМЕННАЯ СКАЗКА

Был старик рыбаком...И два раза он рыбку тревожил:
В первый раз президентство в богатой стране попросил,
Во второй — он мятежный парламент низложил,
Белый дом расстрелял, и в Чечне пацанов уложил.

Обнищала страна, а старик себе в ус и не дует,
Снова к рыбке поехал, под Сочи — вестимо — живёт.
Попросил у неё себе прежнюю статью удалую.

Рыбка: «Есть, генерал», —
и умчалась в пространство своё.

Воротился в Москву, зашумела угрюмо людская,
Всюду толпы народа, голодных в обмотках солдат.
Он, как водится, в Кремль, а туда его не пропускают:
«Предъявите-ка свой пролетарско-партийный мандат!»

Он в ответ: «Да я — царь! Все мое здесь теперя:
Этот Кремль, особняк и две тыщи крестьянских дворов...»
Но толпа налегла: «Небольшая стране ты потеря,
Отправляйся в Свердловск и сиди там, покада здоров...»

Дом Ипатьевский цел, и прочны на подвале запоры.
Там не спал удалец, вместе с ним домочадцы его.
Когда клацнули вдруг у винтовок охраны затворы
И суровый чекист зачитал по листку приговор...

1998 г.

*Из цикла
«ВЗГЛЯДЫ»*

ЦЕЗАРЬ

Полвека лишь до именин Христовых...
Из Галлии, минуя Рубикон,
Два легиона я привел суровых,
Чтоб возвратить моей царице трон.

Пресыщен Рим, восточные владенья
Светлей и чище, чем протекторат,
И я мирским предался наслажденьям,
Как молодой отчаянный легат.

Я утонул и в роскоши, и в лени
Там, где струится Нил через песок,
У Клеопатры теплые колени
И ласково звенящий голосок.

У Клеопатры бархатная кожа,
Она от страсти млеет и дрожит...
Любви узор загадочен и сложен
На ткани сладострастия лежит.

ПОХОД

Труба нам зарю обозначила звонко,
И вновь провожают в рассвет:
Жена — до плетня, а дорогой — поземка,
Хвостом заметая мой след.

Жена у плетня все глядит мне вдогонку,
Творя охраняющий крест,
И ластится следом монашка-поземка,
Сестра ураганных невест.

Галопом уносит, и бешеным глазом
Косится мой конь на меня...
А милая в дом возвратится не сразу,
Весь день простоит у плетня.

И радость моя удивительно ёмка,
Вместились любимые в ней:
Жена у плетня и подружка-поземка —
Печаль предрассветных полей.

НЕГР-ИУДЕЙ

Он был ортодоксален, и в ермолке,
Хасид, наверно... Черный кофе пил,
И пейсы, как часы на барахолке,
Он у виска задумчиво крутил.

Темны за Смолевичами поляны,
До Браззавиля летный путь далек...
Густые белорусские туманы
Омыли зарубежный кошелек.

Официантки, центы принимая,
Жалели негра — божий человек...
А он молчал, писанию внимая,
Осмысливая иудейский век.

ШАХМАТИСТ

Раздумываю:
Жертва королевы,
На шахматном наречии — ферзя,
И конь завис над проходной
На левом,
И удержать позицию нельзя.

Я жизнь свою
Не посвящу иному.
И качество
Смогу-таки сберечь...
Пушай цуцванг
И клеток черных омут...
Мне виден выход
Из безумства встреч.

БОКСЕР

Не болтун и не жрец,
Не силач, не повеса,
Я — кулачный боец
Полусреднего веса.

Бесшабашны мои
Хуки, крюки и свинги,
Будто в танце любви
На пружинящем ринге.

Саидстеп, апперкот
Исполняю отменно,
Вбок отбив, поворот,
Ну и «кросс» непременно.

А партнер тупорыл
И, по-моему, даун...
Вот он челюсть открыл,
Два прямых, и — нокдаун!!!

КУПАЛЬСКИЕ ВЕНКИ

Венки плести с тобою на Купалу,
И по реке со свечками пускать,
И пальцы — полусогнуты устало,
Вдыхая отрешенно, целовать.

Сквозь пламя очищения на пару,
За руки взявшись, прыгать, и не раз,
Потом, утихомирься, под гитару,
Вдохнуть отраду утомленных глаз.

Чтобы поздней прочувствовать: как мало
Мгновений счастья,
 здесь он — мой маршрут,
А те венки, что ты со мной сплетала,
Уже по морю синему плывут.

НЕГР-МУСУЛЬМАНИН

В купе ворвался вихрем опоздавшим,
На столик — лимонад, часы, батон...
Разулся быстро, коврик обветшавший
На полке раскатал со вздохом он.

Забрался на него, захлопнул двери,
И ну — шептать, и ну — поклоны бить,
Н а что уж искренне и сам я в Бога верю,
Но так ретиво вряд ли мог служить.

«Аллах, аллах...» — сиреневые губы
Подбрасывали толстый плоский нос,
И в полутьме блестели ярко зубы
И шапка кучерявилась волос.

Красотка — в дверь, словами не прославить,
Ему про место: «Здесь, — мое, у вас...»
В соседнее купе её отправив,
Он продолжал вечерний свой намаз...

А я молчал, колени обнимая,
Лишенный благолепия женских чар...
И до сих пор вообще не понимаю,
Как мусульмане добрались в ЮАР?

Из цикла
«ШКОЛА»
РАЙ И АД ЛЮБВИ
(Из венка сонетов)

МАГИСТРАЛ

Сказали: раз она бывает,
Любовь, где страсть, а не привычка,
Где Дантов ад огнем пылает
Над лучезарной Беатриче.

В огне кромешном извиваясь,
Сгорают низменные цели,
И закаляется такая
Любовь, какую мы *хотели*.

Она огромная, как море,
Чиста, прозрачна каждой каплей,
И каждый вздох — волна прибоя,

А каждый взгляд — острее сабли.
Не прячь очей и губ шершавых,
В них нет огня, и сабли ржавы...

СОНЕТ № 1

Сказали: раз она бывает,
Её вы более не ждите,
И покрывало наползает
На хрупкий профиль Нефертити.

И торжествует Кийя злая,
И караулит Эхнатона,
Отвергшего услады рая
Ради монаршего хитона.

Он много раз потом пытался
Вернуть утраченное чувство,
Но тщетно, посох поломался,

И клумбами украсив пустошь,
Оплакивал весной обычно
Любовь, где страсть, а не привычка.

СОНЕТ № 4

Над лучезарной Беатриче
У нимба тернии сияют —
Их свет колюч и непривычен, —
Любви пороки обличают.

Петраркой искренне воспета,
Как Мона Лиза воссияна,
Совсем не юная Джульетта,
Совсем не строгая Оксана.

А муж не знал о том сияньи,
Что ночи жарко освещало,
В его психическом изъяне

Лишь ревности недоставало.
Ты ж леденела, усмехаясь, —
В огне кромешном извиваясь.

СОНЕТ № 7

И закаляется такая,
Какая болью напилалась,
Та, что секундами считая,
Всех дольше в пламени держалась.

Не обгорела, не остыла,
Устала, но готова биться,
И вздох блаженства будит силы,
И нежные дрожат ресницы.

Тебя все крепче обнимаю,
Гляжу на радужки цветенье,
Ресниц дрожанье осязаю, —

Какое жаркое мгновенье!
В награду получить сумели
Любовь, какую мы хотели.

СОНЕТ № 10

Чиста, прозрачна каждой каплей
Своей любви, ты мне являлась,
Будто глаза Кетцакоатля,
Самозабвенно зажигалась.

Но, как синица в сказке, море
Зажгла недрогнувшей рукою,
И две стихии вечно спорят —
Лишили мирное покоя.

Зря не туши любви пожара,
Он черным углем обернется,
И жить средь этого кошмара

Опустошенным нам придется.
Вздохну устало за тобою,
И каждый вздох — волна прибоя.

СОНЕТ № 13

Не прячь очей и губ шершавых —
Обветрились и обслезились,
Приятней не найти отравы,
Чем поцелуя жар и живость.

В тенистой зелени дубравы,
В стозвоне птиц, в мерцаньи струйном
Прочувствуем, пахнули травы
В экстазе прянопоцелуйном.

Как инерцоид, завертелся
Над головой шатер зеленый,
Под куполом его распелся

Соловушко наш удивленный.
Но мы стремления сдержали,
В них нет огня, и сабли ржавы.

СОНЕТ № 14

В них нет огня, и сабли ржавы,
Тупы, и к ножнам прикипели,
И все точильщики державы
Их не отточат в самом деле.

Пусть не блеснет и не взовьется
Над головой клинок упруго,
Но сердце в такт атаке бьется,
И не сдастся зимним вьюгам.

И на рысях, поэскадронно,
Сбивая утреннюю сырость,
Бойцами легендарной Конной

Уносится очей немилость.
И сердце снова оживает:
Сказали: раз она бывает.

ТЕОРЕМА ПИФАГОРА

Когда по морю Средиземному триремы
Носились, веслами стуча, во весь опор,
Свои слагая постулаты в теоремы,
Жил математик всем известный — Пифагор.

И на досуге он придумал треугольник,
Один в нем угол обязательно прямой
С гипотенузой, знает нынче каждый школьник
Ее название, — самой длинной стороной.

А двум другим он имя дал простое — катет,
Нарисовал квадрат у каждой стороны,
И получились, посчитай, ума-то хватит,
Совсем простые «пифагоровы штаны».

Они — равны... Но в ослепительном угаре
Молитвы он простер до белых облаков
И в знак признания богам решил изжарить
Сто молодых вполне упитанных быков.

На вертелах бифштексы сочные повисли,
Хватило мяса для рабов со всех трирем...

Но с той поры скоты простых не любят истин,
Штанов ковбойских и различных теорем.

ОДАРЕННОСТЬ

...И все те же ступеньки,
Но стало помельче крыльцо,
Как с большой переменки,
Мое раскраснелось лицо.

А на вывеске буквы
Шеренгами стройно стоят —
Павлодарская школа
Для весьма одаренных ребят.

Там учились, не зная,
Что все одаренные мы
Белым цветом черемух
И лаской сибирской зимы.

Предрассветным ранетом
В пришкольном уютном саду.
Не грусти, дорогая,
Я больше сюда не приду.

Надоели таможни.
Покорный порядкам иным,
Я обидой «одарен» —
Разделом великой страны...

ЛУТАЛЬВАНДА*

Кто нас вывел на звезды, Иван?
Чья Стрела*? Чей там Лук* в чистом Поле*?
И в Кошечевой бьется неволе
Чья царица? Каких дивных стран?

За столетия пролитых слез
До явления Божья — Христова
Атрибутика сказки суровой
Перепета в названиях звезд,

До чужих непонятных небес
От росы на траве наперстянке
По веленью инопланетянки
Все шумит очарованный лес.

Тетиву из шелков сотворив,
Изогну древесину покрепче, —
Пусть квакушка мне тоже нашепчет
Волхованья известный мотив.

Не с ответом монарший гонец —
Астероидный пояс прольется,
И царевной лягушка вернется
В мой бревенчатый чудо-дворец.

* Лутальванда (древнеассир.) — царевич Иван, Стрела, Лук, Поле — названия звезд на ассирийской карте неба (III век до нашей эры).

ПУШКИН — С НАМИ

Закивали глав макушки:
Он средь нас бушует — Пушкин,
Задирает королеву,
Котика, Балду...
Он источник их проказам,
Его имя всем пролазам,
Коли автор неизвестен,
Сразу — на виду:

Кто разбил тарелку?
Пушкин!
Кто испачкал стенку?
Пушкин!
Чья по маминой постели
Шоркала пила?
Чьи разбросаны игрушки?
Кто бабахнул из хлопушки?
Ну, конечно, это Пушкин!
Все его дела!

Кто устроил кризис?
Пушкин!
Капиталы вывез?
Пушкин!
Взгляд поэта на портрете
Строг и удивлен...
Чьи хоромы под столицей?
И счета чьи за границей?
Кто войну в Чечне затеял?
Ну, конечно, он!

1998 г.

ЖАЛОСТЬ

Извечна зависть к Моцартам Сальери,
К удачам первых и талантам их.
Где доблести счастливых на прицеле?
У низостей и подлостей вторых.

Соседствуют с талантами и славой,
В тени у знаменитостей таясь,
Не брезгают обманом и отравой,
Бессовестно размазывая грязь.

Сочли тяжелый труд за легкий отдых,
Согнулись грузом почерневших дум...
Мне жалко их, талантливых и подлых,
Гордыне подчинивших острый ум.

ПЕРО

...А вот павлина длинное перо
Мальчишка держит русский и мечтами,
Ярчайшими, как солнечный восход,
Блуждает птахой между облаками,
Не ведая нагрянувших забот.

Ну, точно, как Иван...
Того же сказа
Цветистый зрак павлиньего пера...
Судьба уже, конечно, до отказа
Пружину испытаний завела.

Плывет перо, опасность излучая, —
Большой жар-птицы огненный цветок,
Несет его малыш, беды не чая,
Но я спешу за ним, как Горбунок!

БИМАТЕРИКОВОСТЬ

Сургутяне — Родины основа,
И её пришельцам не понять.
Нам Европа — бабушкино слово,
Азия — и мачеха и мать!

Добрая, прохладная, лихая, —
Кормит и поддерживает нас...
А в Европе мы лишь отдыхаем,
Ведь зимой — Лянтор и Лангепас...

А какие очереди летом
За билетом — к бабушке слетать,
И обратно с искренним приветом
В Азию варенья доставлять.

Два материка — Урал им пояс —
Объединены одной судьбой,
Чтобы жили здесь не беспокоясь
Разные народы — мы с тобой.

Я силен ухом муксуновой
И хлебами из ржаной муки...
Сургутяне — биматериковы
И вдвойне поэтому крепки.

*Из цикла
«ВРЕМЕНА
ГОДА»*

ЗИМНЯЯ ТИШИНА

Ползет на город тишина
С полей окрестных,
С обледеневшей ниже дна
Болотной бездны.

И накатав за слоем слой
На зимник, сами
Машины к темной буровой
Ползут жуками.

Моторов гул один дрожит
В округе снежной,
И вьюга меж кустов шуршит
Хвостом небрежно.

Мороз окрепнет, и она
Заснет беспечно,
И воцарится тишина
Вокруг навечно.

Фонари-фонарики,
Феврали-февралики,
Оттепель небесная —
Сердцу благодать.
Родины защитники,
Поднимай лафитники,
На плакаты красные
Налюбуйся, мать!

Фонари-фонарики,
Сухари-сухарики,
Над проспектом северным
Берега в огне —
Освещают улицы,
Да рисуют буквицы,
И с небес читаются
В полной тишине.

Фонари-фонарики,
Судары-сударыньки,
Завитушки нежные —
Неба филигрань,
Талиями тоненьки,
По-девичьи стройненьки,
Фонари сургутские —
Зим сибирских рань.

МАРТ

В этот день угасает воинственный Марс,
И уходит на поиски счастья разведка,
И среди невзначай обнаруженных фраз
Междометия радости светят нередко.

И восьмерками полон любой силуэт,
Под упругостью бюста — дыхание ветра,
И не гаснет очей ослепительный свет,
До микрона смыкающий все километры.

А по радужке видно — искрит Петербург,
И пылают в огнях сотни Южных Америк...
Это Роза придумала все — Люксембург,
Чтобы Либкнехта Карла весною проверить...

И, ладони шипами поранив свои,
Мы скупаем цветы у киосков подлунных,
Все мы «либкнехты» нынче — солдаты любви,
Будто «карлы» принцесс домогаемся юных.

Нам бы только предлог —
Преклоняемся ниц,
А поклон от любви и души — безыскусен:
Шевельнется рука или строчка ресниц,
Мы и горы свернем,
И у края не струсим...

INVALID

Голубь с отрубленной лапкой
Сел на асфальт тяжело,
Дождик сочувственно плакал,
Билось о землю крыло.

Поколотился и вздрогнул,
Грянул о землю плечом,
В небе растаял огромном,
Там полноги — нипочем.

Светел там купол и честен,
Солнца сверкающая медь...
Мне бы за ним в поднебесье,
Нет уже силы терпеть!

ОСВОБОДИТЕЛЬ

Елене Пушкиной

Глянь, Елена!

Как сказочный витязь

У темницы бушую твоей

И крылатых — кто к воле стремится —

Выпускаю на свет сизарей.

У Кашея в подвале несладко,

В рабстве город родной Юрьевец,

Приуныла в углу куропаткой:

Эй, на помощь хоть кто, наконец!

Унесутся мгновенья ненастий,

Выйдешь павой из круга подруг,

Рядом сокол — Иванушка ясный,

Разлюбезный испытанный друг.

И по гривке ли, по косогору,

Да с детишками в лес погулять,

Но меня во счастливую пору

Вряд ли будешь уже вспоминать.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Она целовала мне руки — апа —
Отцова сестра — продолжателю рода,
Ласкала, припавши, от плача слепа,
Лицо мне рукой, будто трогала воду.

Скуласт и улыбчив мальчишка — хорош —
На место почетное гостя садила.
Ты очень красив — на папашу похож,
Все «капли» вобрал, — так она заявила.

Баранью башку из бульона, «пишак»*
Торжественно по ритуалу вручила,
И в центре стола жарко пах бешбармак —
Баранина соком своим исходила...

Полвека промчало — крепка колея,
Потомки надежны, я их обожаю.
И старшего внука — он копия — я,
Всегда на почетное место сажаю.

* пишак — нож. (казах.)

ВЫБОР

«Любовью сражен беспримерной,
Не зря рисковал головой...» —
Юдифь по усам Олоферна
Проводит босою ногой.

Пррезы льняного хитона
Открыли упругость бедра —
Тычинки большого бутона
Открыты для страсти ...Пора.

Но женскою сжатый рукою
Эфес боевого меча
Влюбленного побеспокоит:
«Не слишком она горяча?

К чему нам такой темперамент?» —
И, мыслию этой томим,
С Юдифи прощаюсь дарами
И следую курсом своим.

РЕВНОСТЬ

Я ревную тебя к телефонным гудкам,
Ко свисткам тепловозов и к реву турбин,
И к бездумным неласково жадным рукам
Незнакомых мальчишек и зрелых мужчин.

И к подругам веселым, к сосновым дровам,
И к одежде, объемлющей тело твое,
И к задиристо нежным девичьим словам,
Тем, что сердце мое, повторяя, поет.

К безделушкам-покупкам, к наручным часам,
И к раздолью раскрытой и светлой души,
Я ревную к себе, непонятному, сам
В одиночестве гулкой бессонной тиши.

НА МАЙДАНЕ

Михаилу Антохину

Два лирника слепых через майдан
Герлыгами* ощупали дорогу, —
Не размыкая рук идем, и Богу
Доверена и радость и печаль.

Майдан ликует, шутит, гомонит,
И просит петь, но мы уже устали,
А небо, обжигаячи устами,
Высоким колокольчиком звенит.

А поводырь унылое своё
Недоскулил и молча ковыляет...
И кто-то лиру шумно извлекает,
О Родине поруганной поет!

* Герлыга — посох с загнутым верхним концом.

РОДИМЫЙ КРАЙ

...Ты его не покинешь —
В извечной тревоге
Пролетят бесконвойные
Злые года,
И тебя тормознут
На последнем пороге
И любовь, и надежда,
И мысль: «навсегда»...

Пролети ветерком
И прочувствуешь остро,
Чем он дорог тебе,
Этот вечный острог,
Где в сирени кустистой
Родные погосты
Вдоль беспечных и пыльных,
Бескрайних дорог...

ТРУДОВАЯ ВАХТА

«Мой муж на вахте, заходи» —
Шепнула дева,
И застучало там в груди,
Точнее, слева.

И я пошел,
И я нашел,
И все там было,
О чем заранее молва
Предупредила.

Теперь я тоже стал
На вахту трудовую,
Муж возвращается,
А я — на буровую...

Муж уезжает,
Я её ласкаю смело,
Но вот заметил:
Стал ревнивым,
Как Отелло.

Ну — всё — решил:
Кидаю страсти всеу.
Пускай её
Теперь законный муж
Ревнует!

ПЛАТЬЕ

(Опыт куртуазного маньеризма)

Под ропот блестящего платья
Свои мы сомкнули объятья.
Оно, как соперник, мешало —
Вздыхало, скрипело, шуршало.

Кусая на ушке сережку,
Рукою нашел я застежку,
Рванул, как кольцо от запала,
И платье волною опало.

Твои обнаженные бедра
Навстречу задвигались бодро,
Ногою босой отметала
Ты платье и шелк одеяла.

Любили друг друга мы долго,
Отдавши все капельки долга.
В расшатанной узкой кровати
Ты вспомнила утром о платье.

Оно бездыханно лежало
И выточками не дрожало.
Застежка была, как растяжка,
А рядом — допитая фляжка.

Теперь мы встречаемся реже,
(О долге понятия те же),
Но, если взгрустнется невольно,
То платье ворчит недовольно.

Содержание

Из цикла «ПЛАЧ В ХРАМЕ»

Подготовка к творчеству	3
Павлодарская мечеть	4
Плач в храме	5
Жертвы	7
«Сказкой рождественской...»	8

Из цикла «ПАМЯТЬ»

Русские сфинксы	9
Осторожность	10
Перед наступлением	11
Расстрелянная Россия	12
Мои царевны	14
Три «товарища»	15
Русские Колумбы	16
Военспецы	17
Последняя гибель «Варяга»	18
Альпинисты 42-го года	20
Поле	21
Белые колготки	22
Триумфальные арки	23
Современная сказка	24

Из цикла «ВЗГЛЯДЫ»

Цезарь	25
Поход	26
Негр-иудей	27

Шахматист	28
Боксер	29
Купальские венки	30
Негр-мусульманин	31

Из цикла «ШКОЛА»

Рай и ад любви. Из венка сонетов.	32
Теорема Пифагора	40
Одаренность	41
Лугальванда	42
Пушкин — с нами	43
Жалость	45
Перо	46
Биматериковость	47

Из цикла «ВРЕМЕНА ГОДА»

Зимняя тишина	48
«Фонари-фонарики...»	50
Март	51
Invalid	52
Освободитель	53
Преемственность	54
Выбор	55
Ревность	56
На майдане	57
Родимый край	58
Трудовая вахта	59
Платье	60

ЕШИМОВ
Георгий Карожанович

Триумфальные арки
Новые стихи

Редактор Л. Верин
Корректор В. Ананина
Техредактор В. Попов

Сдано в набор 30 апреля 2002 года
Подписано в печать 16 мая 2002 года
Формат 70х100 1/32
Тираж 250 экз.

Издатель — Независимое
(«Московский Парнас»
Никитская, 50/5, стр. 1,

Лицензия РФ № 066208 от 15 декабря 1998 г.

